



Оглавление

I	5
II.	151
III	236
IV	309



I

Так Ван Юань, сын Вана Тигра, впервые ступил на порог глинобитного дома своего деда Ван Луна.

Вану Юаню было девятнадцать, когда он вернулся домой с Юга и поссорился с отцом. Однажды зимним вечером, слушая, как завывает в оконных решетках северный ветер, то и дело приносящий снег, Тигр сидел один в большом зале возле жаровни с полыхающими угольями и по своему обыкновению мечтал о том времени, как сын его вернется домой взрослым мужчиной, готовым возглавить армию отца и повести ее к победам над теми врагами, которых Тигр успел нажить, но не успел одолеть, ибо старость одолела его первой. В тот вечер сын Тигра неожиданно-негаданно вернулся домой.

Он стоял перед отцом, и Тигр увидел на нем незнакомую солдатскую форму. То была форма революционной армии — злейших врагов всех военачальников, подобных Тигру. Когда до старика окончательно дошел смысл происходящего, он вырвался из забытья, с трудом встал на ноги, дрожащей рукой схватил лежавший подле узкий острый меч, уставился на сына и решил убить его, как врага. Тогда сын Тигра впервые дал волю гневу, который до сих пор не осмеливался показать отцу. Он распахнул синюю куртку и обнажил перед отцом юную грудь, смуглую и гладкую, и вскричал громким юным голосом:

— Я знал, что ты захочешь убить меня, — это твое старое и единственное средство! Что ж, убей!

Однако, произнося эти слова, юноша понимал, что отец не сможет убить его. Он видел, как вскинутая отцовская рука медленно опустилась, повисла, и меч упал на пол. Уверенно глядя в глаза отцу, сын видел, как тот прикрыл рот рукой, пряча дрожащие губы.

В эту самую минуту, когда отец и сын стояли друг против друга, в большой зал вошел верный слуга с заячьей губой, служивший Тигру с молодых лет. Он принес хозяину горячее вино, которое тот всегда пил перед сном. Молодого человека он не увидел вовсе, а увидел лишь своего старого господина, его слабое потрясенное лицо, искаженное гримасой убывающего гнева, и зрелище это заставило слугу вскрикнуть, со всех ног броситься к хозяину и скорей налить ему вина. Тотчас Ван Тигр забыл о сыне, потянулся дрожащими руками к чаше, поднес ее к губам и стал жадно пить, а верный старик снова и снова подливал ему из оловянного кувшина. Снова и снова Тигр бормотал: «Еще вина!.. Еще!..» — и забыл о слезах.

Юноша стоял и смотрел. Он смотрел на двух стариков, один из которых, утешившись горячим вином, вел себя как неумное дитя, а второй то и дело подливал ему из кувшина, и безобразное рассеченное лицо его морщилось от нежности. То были всего-навсего старики, и даже в такой важный миг головы их занимали мысли лишь о вине и утехах.

Молодой человек понял, что о нем забыли. Сердце его, минуту назад жарко колотившееся в груди, остыло, а ком в горле вдруг растаял и превратился в слезы. Однако Ван Юань не дал воли слезам. Тут ему пригодились суровость характера и военная выучка. Он наклонился, подобрал с пола сброшенный пояс и без слов пошел, держась очень прямо, в комнату, где в детстве занимался со своим молодым воспитателем, ставшим позднее его начальником в военной школе. В темноте комнаты он ощупью нашел стул

возле парты, сел и наконец позволил своему телу обмякнуть, ибо дух его был сокрушен.

Он думал, что напрасно так пылко боялся своего отца и так пылко его любил, напрасно бросил ради него своих товарищей и правое дело, в которое верил. Вновь и вновь перед глазами вставало только что увиденное зрелище, ведь старик до сих пор сидел в большом зале и пил вино. Ван Юань посмотрел на отца новым взглядом и с трудом мог поверить, что это тот самый Тигр. Ведь он с детства страшился отца и вместе с тем любил его, пусть неохотно и с тайным внутренним сопротивлением. Он страшился его внезапных приступов ярости, и гневного рева, и свиста блестящего острого меча, который тот всегда держал под рукой. Маленький одинокий Юань нередко просыпался в поту, увидев во сне, что опять ненароком прогневил отца, хотя бояться ему было нечего: Тигр никогда подолгу не злился на сына. Тем не менее мальчик нередко видел, как тот гневается или делает вид, что гневается, на других, ведь гнев был его орудием управления, и темными ночами юный Ван Юань дрожал под одеялом, вспоминая округленные пылающие глаза отца и яростное подергивание жестких черных усов. Среди его людей даже ходила такая шутка, которую они повторяли с опаской: «Никогда не дергай Тигра за усы!».

Несмотря на приступы ярости, Тигр любил только своего сына, и тот это знал. Он знал это и оттого боялся еще сильнее, потому что любовь отца была подобна гневу: такая же горячая и вздорная, она тяжким бременем ложилась на ребенка. Среди подданных Тигра не было женщины, способной утишить пыл его сердца. Другие военачальники, отдыхая от сражений, на старость лет брали себе женщин, чтобы те их развлекали, но Ван Тигр никого не взял. Даже его собственные жены не навещали его, а одна — дочь врача, унаследовавшая все серебро отца, — давным-давно поселилась в большом приморском городе со своей дочерью, единственным ребенком, которого принесла Тигру,

и учила ее в чужеземной школе. Потому Юаню отец внушал одновременно любовь и страх, и чувства эти с самого детства исподволь ваяли его душу. Страх перед Тигром подобно кандалам сковывал разум, и Юань не ведал другой любви, кроме жестокой, сосредоточенной на нем одной любви отца.

И потому мысли о Тигре, хотя сам Тигр того не знал, не отпускали Юаня в южной военной школе, когда товарищи его встали перед своим военачальником и поклялись служить новому правому делу: захватить столицу, свергнуть сидящего там слабака и встать на защиту простого народа, угнетаемого жестокими военачальниками и заграничными врагами, чтобы однажды вернуть стране былое величие. В тот час, когда юнец за юнцом клялись отдать жизнь за дело революции, Ван Юань стоял в стороне, борясь то со страхом перед отцом, то с любовью к нему — военачальнику из тех, кого собирались свергнуть его товарищи. Сердцем он был с ними. В памяти то и дело вставали бесчисленные картины страданий простого народа. Он помнил лица крестьян, когда те смотрели, как лошади отцовых солдат топчут их посевы. Помнил беспомощную ярость и страх на лице старейшины одной деревни в ответ на требование Тигра — пусть сколь угодно вежливое — выплатить ему дань зерном или серебром. Помнил мертвые тела на земле и то, как равнодушно смотрели на них Ван Тигр со своими людьми. Помнил наводнения и голод, и как они с отцом однажды ехали по дамбе, кругом была вода, а на дамбе всюду толпились изможденные от голода люди; солдатам приходилось нещадно сталкивать их в воду, чтобы те не падали на Тигра и его драгоценного сына. Да, Юань помнил все это и многое другое, и помнил, как морщился при виде этих ужасных картин и ненавидел себя, сына военачальника. Даже в школе, среди своих товарищей, он ненавидел себя за это и особенно горячо ненавидел, когда ради отца тайком предал дело, которому собирался служить.

Сидя в одиночестве в темноте своей детской, Юань вспомнил, какую жертву принес ради отца, и сейчас эта жертва показалась ему напрасной. Он пожалел, что принес ее, ведь отец не мог ни понять ее, ни оценить по достоинству. Ради старика Юань бросил своих сверстников, предал дружбу — а Тигру и дела нет. Юаню теперь казалось, что всю жизнь его не понимали, что с ним дурно обращались; он вдруг стал припоминать Тигру все обиды, все зло, которое тот ему причинил: как отец силком тащил его смотреть на военные учения, когда Юань читал увлекательную книгу, как стрелял в попрошаек. Вспоминая все это, Юань бормотал сквозь стиснутые зубы: «Он никогда меня не любил! Он думает, что любит меня, что в его жизни нет никого дороже, но он никогда не спрашивал о моих желаниях, а если и спрашивал, то лишь затем, чтобы отказать, чтобы я всегда старался предугадывать его желания и не помышлял о свободе!»

Затем Юань подумал о своих товарищах и том, как они, должно быть, его презирают. Теперь он никогда не сможет вместе с ними повести свою страну к величию! И вновь он зароптал: «Я даже не хотел ехать в эту военную школу, но он заставил меня, пригрозив, что иначе я вообще никуда не поеду!»

Обида и одиночество все росли в Юане, и в конце концов он, с трудом проглотив ком в горле, заморгал в темноте и яростно забормотал, как дитя, что бубнит обиженно себе под нос: «Он ничего не знает, не понимает и не хочет понимать! Лучше бы я стал революционером! Лучше бы я пошел за своим начальником, ведь теперь у меня никого нет, совсем никого!»

Так Юань сидел один, чувствуя себя самым одиноким и несчастным человеком на свете, и никто к нему не приходил. За те часы, что остались от ночи, ни один слуга не зашел его проведать. Все они знали, что Ван Тигр, их хозяин, зол на сына, ибо во время их ссоры все они прятались

под окнами и подслушивали, и подглядывали, поэтому теперь никто не решался утешить Юаня, боясь навлечь на себя гнев его отца. С таким равнодушием Юань столкнулся впервые, и оттого ему было особенно горько.

Он сидел и даже не пытался зажечь свечу или позвать слугу. Он положил руки на стол, опустил на них голову и чувствовал, как его вновь и вновь захлестывают волны уныния. Наконец он заснул, ведь он был так утомлен и так юн.

Проснулся Юань на заре. Он быстро поднял голову и осмотрелся, затем вспомнил ссору с отцом и ощутил в груди еще свежую боль обиды. Он встал, подошел к двери, выходящей во двор, и выглянул на улицу. Двор был неподвижен, пуст и сер в рассветных сумерках. Ветер утих, а выпавший за ночь снег растаял. У ворот спал, свернувшись клубком в углу, часовой; его бамбуковый шест и палка, которой он колотил по шесту для отпугивания воров, лежали рядом на земле. Глядя на его спящее лицо, Юань думал, как же отвратителен его дряблый, отвисший, разинутый рот с неровными гнилыми зубами; а меж тем человек этот всегда был добр к нему, и в детстве, не так уж и много лет назад, Юань нередко выпрашивал у него сласти и игрушки на уличных ярмарках и праздниках. Теперь же часовой казался ему мерзким стариком, которому нет дела до своего молодого господина. Да, говорил себе Юань, вся здешняя жизнь пуста и лишена смысла, и все в нем вдруг восстало против привычного уклада. Конечно, бунт этот был не нов. Война, которую он исподволь, сам того почти не замечая, вел со своим отцом, наконец разразилась.

С самого детства воспитатель Юаня науськивал его, готовил, будоражил разговорами о революции, о переустройстве страны, пока эти великие, смелые, прекрасные слова не зажгли его детское сердце. Однако огонь его сердца неизменно затухал, стоило учителю понизить голос и произнести со всей настоятельностью: «И ты обязательно отправишь в бой армию, которая однажды станет твоей;

тебе придется поднять своих людей во имя страны — хватит с нас этих военачальников!»

Так нанятый Ваном Тигром воспитатель тайно настраивал сына против отца. И ребенок с тоской глядел в сияющие глаза молодого воспитателя, и слушал его пылкий голос, проникавший в самое сердце, и мысленно осекался, когда в уме сами собой рождались отчетливые слова: «Но ведь мой отец — военачальник!» Так мальчик все детство разрывался меж двух огней, и ни одна живая душа о том не знала. Постоянная внутренняя борьба сделала его не по годам угрюмым и молчаливым, ибо на сердце у него всегда было тяжело: он любил отца, но не мог им гордиться.

Потому тем ранним утром Юаню казалось, что у него не осталось сил. Годы беспрерывных внутренних раздоров истощили его. Он принял решение убежать от них, скрыться от всех известных ему сражений, от всех правых дел и благородных помыслов. Но куда бежать? Отец так ревностно оберегал его все эти годы, окружил его такой надежной стеной из своей любви, что Юань не успел обзавестись верными друзьями, и податься ему было некуда.

Тогда он вспомнил о самом тихом и безмятежном месте, какое ему доводилось видеть среди бесконечных войн и разговоров о войнах. То был маленький глинобитный дом его деда Ван Луна, которого люди сперва прозвали Ван Крестьянин, а потом, когда он разбогател и переехал в большой дом, стали звать Ваном Богачом. Однако старый глинобитный дом по-прежнему стоял на краю деревушки, а с трех сторон от него расстилались тихие поля. Рядом, вспомнил Юань, на небольшом возвышении лежали в могилах его предки — сам Ван Лун и другая родня. Юань это знал, потому что не раз бывал здесь в детстве с отцом, когда тот навещал старших братьев — Вана Помещика и Вана Купца, живших в городке неподалеку.

Сейчас в том глинобитном домике тишина и благодать, подумал Юань, и он мог бы жить там один, потому что дом

пустует — если не считать пожилых арендаторов, которым отец разрешил там поселиться после того, как прежняя его обительница, женщина с невозмутимым серьезным лицом, ушла в монастырь. Однажды он видел ее с двумя странными детьми — седовласой дурочкой, которая потом умерла, и горбуном, который позже стал священником, третьим сыном Вана Старшего. Юань вспомнил, что уже тогда женщина показалась ему монахиней: она прятала глаза, не смея глядеть на мужчин, и носила серое платье, крестом перевязанное на груди. Голову она пока не обрила, но лицо у нее было суровое, как у монахини, и бледное, как ущербная луна, а тонкая нежная кожа туго обтягивала череп. Лицо ее казалось Юаню молодым, пока однажды он не подошел ближе и не увидел на нем сеть тонких, как волос, морщин.

Той женщины давно уж не было в глинобитном доме. Он стоял почти пустой, если не считать двух престарелых арендаторов, и Юань решил, что вполне может там поселиться.

Тогда он вновь вошел в свою комнату, сгорая от нетерпения, ведь теперь он знал, куда ему податься, и первым делом хотел снять ненавистную солдатскую форму. Юань открыл старый сундук из свиной кожи, порылся среди старой одежды и с радостью надел белое нижнее платье, овчинный халат и матерчатые башмаки. Затем тихо прокрался по двору мимо часового, который спал, положив голову на ружье, взял лошадь, вышел за ворота и, оставив их открытыми, вскочил в седло.

Проехав какое-то время, Юань оставил позади сперва городские улицы, затем проселки и наконец оказался в полях. Там он увидел, как солнце медленно поднимается из яркого зарева над далекими холмами, и вот оно уже встало, благородно алое и ясное в холодном воздухе позднего зимнего утра. Это было так красиво, что Юань невольно забыл о своих печалях и наконец ощутил голод. Он остановился у придорожного постоялого двора с глинобитными стенами, из низенькой двери которого уютно и соблазни-

тельно струился дымок, и купил себе там тарелку рисовой каши, соленую рыбу, пшеничный хлебец, щедро посыпанный кунжутом, и чайник чая. Съев все подчистую, выпив чаю, прополоскав рот и расплатившись с заспанным хозяином двора, который успел за это время умыться лицо и причесаться, Юань вновь сел на коня. Высокое ясное солнце уже сверкало на покрытой инеем пшенице и на заиндеветшей соломе деревенских крыш.

Все-таки Юань был еще молод, и оттого ему подумалось, что ни одна жизнь, даже его, не может состоять целиком из худа и невзгод. Он воспрял духом, осмотрелся по сторонам и вспомнил свои собственные слова о том, что ему хотелось бы жить среди полей и деревьев, неподалеку от воды, чтобы всегда видеть и слышать ее, и подумал: «Пожалуй, вот чем я мог бы заниматься. Я могу заниматься чем угодно, раз никому нет до меня дела». Эта маленькая новая надежда понемногу росла в нем, и он сам не заметил, как слова начали перескакивать с места на место, меняться и укладываться в строфы, и он позабыл о своих печалях.

Дело в том, что за годы юности Юань обнаружил в себе склонность к сочинению стихов — коротеньких нежных строф, которые он выводил кистью на веерах и беленых стенах спален. Воспитатель всегда смеялся над этими стихами, потому что Ван Юань писал обо всем милом, нежном и красивом: о листьях, падающих на осеннюю гладь озера, об ивах над водой, только-только одевшихся молодой листвой, о персиковом цвете, розовеющем в белых утренних туманах, и о тучных черных завитках свежевспаханной земли. Он, сын военачальника, никогда не писал о воинской славе, а когда товарищи все же заставили его сочинить песню о революции, она получилась слишком мягкой на их вкус, потому что в ней говорилось о смерти, а не о победе, и Юань очень расстроился, что не угодил им. Он пробормотал: «Такие уж мне пришли строки» — и больше не брался за это дело, потому что при всей своей кажущейся

кротости имел немалый запас упрямства и тайного свое-
 нравия. С тех пор он никому не показывал свои сочинения.

Теперь же впервые в жизни Юань остался один, сам себе хозяин, и это было прекрасно, и тем прекраснее оттого, что он сейчас ехал один по местам, которые были милы его сердцу. Он сам не заметил, как утихла боль. В душе проснулась юность, и он чувствовал свежесть и силу в своем теле, и сладкий воздух щекотал ему ноздри, очень холодный и чистый, и вскоре он забыл обо всем, кроме чудесного стишка, понемногу обретавшего форму у него в голове. Он не подгонял его. Он любовался голыми холмами, очертания которых отчетливо и резко вырисовывались на фоне ясного голубого неба, и ждал, когда стих его обретет ясность и безупречность гребня холма на фоне безоблачных небес.

Так прошел этот славный одинокий день; дорога успокоила его, и он смог забыть о любви, страхе, товарищах и всех войнах. Когда настала ночь, он лежал в кровати на постоялом дворе, который держали нелюдимый старик и его тихая вторая жена, не слишком молодая и оттого не считавшая жизнь со старым мужем такой уж тоскливой. Юань был их единственным гостем в ту ночь, и муж с женой обслуживали его хорошо; хозяйка кормила его маленькими пирожками, начиненным пряным свиным фаршем. Поев и напившись чаю, он подошел к расстеленной кровати и растянулся на ней, чувствуя приятную усталость, и хотя перед сном раз или два его все же кольнули воспоминания о ссоре с отцом, он без труда смог забыть об этом, ведь еще до захода солнца родился его стих. Он вышел именно таким, как мечталось, четыре безупречные строчки, каждое слово — кристалл, и Юань, утешившись, заснул.

Спустя три таких свободных дня, каждый из которых был лучше предыдущего и полон зимнего солнца, лежавшего сухим припыленным стеклом на холмах и долинах,

Юань подъехал, исцеленный и воодушевленный, к деревне своих предков. В разгар утра он въехал на маленькую улочку, увидел глинобитные дома с соломенными крышами — десятка два в общей сложности — и нетерпеливо огляделся по сторонам. Он увидел крестьян, их жен и детей: кто-то стоял в дверях, кто-то сидел на корточках у порога и завтракал хлебом или кашей. Юаню они все показались славными людьми, даже друзьями, и он проникся к ним теплыми чувствами. Сколько раз он слышал, как его начальник выкрикивал громкие слова о простом народе — и вот он, народ.

Однако селяне глядели на Юаня с большим недоверием, а то и недоуменным страхом, ибо правда состояла в том, что хоть Юань и ненавидел войны и все связанное с войнами, с виду он был похож на солдата. Каковы бы ни были его помыслы, отец вылепил его тело крепким, высоким и сильным, и в седле он держался прямо, как генерал, а не сутулил спину, как крестьянин.

Поэтому люди посматривали на Юаня недоверчиво, не ведая, кто он такой, и имея привычку на всякий случай опасаться чужаков и их порядков. Многочисленные дети, стискивая в кулачках ломти хлеба, побежали за ним, чтобы посмотреть, куда он направляется. Когда он подъехал к знакомому глинобитному дому, они выстроились кружком и стали внимательно наблюдать за ним, глодая свои краюхи, шмыгая и пихая друг друга то локтем, то плечом. Наглядевшись, они убежали один за другим домой рассказывать старшим, что высокий черный юноша спешился со своего могучего рыжего коня возле дома Вана, и что он привязал коня и вошел в дом, и что на пороге ему пришлось пригнуться, потому что дверь была для него слишком низка. Юань слышал, как они выкрикивают это своими пронзительными голосами, но ему не было дела до детских рассказней. Зато старейшины после этих рассказов испугались еще больше и не подходили к глинобитному дому